

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

БОРИС ПИЛЬНЯК. В 1926-м Пильняк пишет «Повесть непогашенной луны». Основанием для написания повести послужили устойчивые слухи, популярные в то время, о причастности Сталина к смерти Фрунзе. 13.5.1926 Политбюро ЦК ВКПб постановило, что повесть является «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии». В продаже находилась несколько дней, после чего её изъяли. В 1929-м Пильняк был отстранён от руководства Всероссийским Союзом писателей за публикацию за границей повести «Красное дерево». Несмотря на критику со стороны советских идеологов, вплоть до 1937 г. он оставался одним из наиболее публикуемых в то время писателей. По словам Глеба Струве, Пильняк «сделался главой целой школы или направления в советской литературе под названием «орнаментальная проза». 28.10.1937 был арестован. 21.4.1938 Военная коллегия Верховного Суда СССР обвинила его в шпионаже в пользу Японии (он был в Японии и написал об этом в своей книге «Корни японского солнца»). Был приговорён к смертной казни и расстрелян в тот же день в Москве.

Пильняк упомянут в открытом письме Сталину оставшегося на Западе видного дипломата и большевистского деятеля Фёдора Раскольниковца: «Вы душите советское искусство, требуя от него лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспекает Вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность». Бездарные графоманы славословят Вас, как полубога, «рожденного от Луны и Солнца», а Вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести. Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Михаил Кольцов, Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Галина Серебрякова, виноватая в том, что была женой Сокольникова? Вы арестовали их, Сталин! Вслед за Гитлером Вы воскресили средневековое сожжение книг. Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащие немедленному и безусловному уничтожению....»

ИСААК БАБЕЛЬ. На допросах в Сухановской тюрьме, куда он попал, его подвергали пыткам. В ход шло всё: дубинки, сапоги, табуретка. Его вынудили признать связь с троцкистами и факт того, что он, якобы руководствуясь их наставлениями, намеренно искажал действительность в своих произведениях и умалял роль партии. Писатель также «подтвердил», что вёл «антисоветские разговоры» среди других литераторов, артистов и кинорежиссёров и «шпионил» в пользу Франции. Военной коллегией Верховного Суда был приговорён к расстрелу и 27.1.1940, на следующий день после вынесения приговора, расстрелян. Расстрельный список, куда среди других, входил и Бабель, был подписан лично Сталиным.

С 1939 по 1955 год имя Бабеля не упоминалось, а его книги не издавались. В 1954 году он был реабилитирован. Константин Паустовский, хорошо знавший Бабеля и оставивший о нём тёплые воспоминания, сделал многое для того, чтобы его произведения стали вновь издаваться в СССР. В 1957-м был выпущен сборник рассказов Бабеля «Избранное» с предисловием Ильи Эренбурга, который назвал Бабеля одним из выдающихся писателей XX века.

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД. В 1934 году на спектакле «Дама с камелиями», поставленном Мейерхольдом, присутствовал Сталин. Спектакль вождю не понравился. Критики-идеологи обрушились на Мейерхольда, обвиняя его в буржуазном эстетстве. 8.1.1938 театр закрыли, поскольку, как было сказано в постановлении, "театр им.Мейерхольда в течение всего своего существования не мог освободиться от чуждых советскому искусству, насквозь буржуазных формалистических позиций".

В мае 1938 г. Константин Станиславский не побоялся предложить опальному и безработному Мейерхольду должность режиссёра в руководимом им оперном театре. После смерти Станиславского Мейерхольд стал главным режиссёром театра, где он продолжил работу над оперой «Риголетто».

20.6.1939 Мейерхольд был арестован в Ленинграде. В его квартире в Москве был произведён обыск. В протоколе обыска зафиксирована жалоба его жены Зинаиды Райх, протестовавшей против методов одного из агентов НКВД. Вскоре, 15 июля она была зверски убита в своей квартире. Убийцы не были установлены. После 3 недель жесточайших допросов, сопровождавшихся пытками, Мейерхольд подписал нужные следствию показания. В обвинительном заключении было сказано, что «В 1934-1935 гг. Мейерхольд был привлечен к шпионской работе. Являясь агентом английской и японской разведок, вел активную шпионскую работу, направленную против СССР». Кроме того, Мейерхольда обвиняли в том, что он является кадровым троцкистом, активным участником троцкистской организации, действовавшей среди работников искусства. 2.2.1940 в подвале на Лубянке был расстрелян. За 3 недели до смерти Мейерхольд отправил два письма Молотову, в которых отказывался от добытых под пытками показаний и молил о спасении. Письма Мейерхольда были обнаружены в его деле. Вот выдержки из этих писем.

"..следователь все время твердил, угрожая: "Не будешь писать (то есть сочинять, значит!?) будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного искромсанного тела". И я все подписывал до 16 ноября 1939 г. Я отказываюсь от своих показаний, как выбитых из меня, и умоляю Вас, главу Правительства, спасите меня, верните мне свободу. Я люблю мою Родину и отдаю ей все мои силы последних годов моей жизни". "...Вот моя исповедь, краткая, как полагается за секунду до смерти. Я никогда не был шпионом. Я никогда не входил ни в одну из троцкистских организаций. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью..." "Меня здесь били - большого шестидесятишестилетнего

старика. Клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты..."

В 1987-м стало известно место захоронения Мейерхольда. Им оказалось „Общая могила“ на кладбище московского крематория у Донского монастыря. Тело режиссера было сожжено в Донском крематории, а пепел выброшен в общую яму на окраине Донского кладбища вместе с прахом писателя Бабеля, маршалов Егорова, Тухачевского и других жертв сталинских репрессий. Более 70 лет на этом месте находилась кладбищенская свалка и лишь сравнительно недавно была установлена мемориальная плита.

"Невозможно зачеркнуть ту выдающуюся роль, которую сыграл Мейерхольд в развитии русского и советского театрального искусства, - сказал о нём ходатайствовавший среди других деятелей искусства о его реабилитации Дмитрий Шостакович. - Имя гениального Всеволода Мейерхольда, его выдающееся творческое наследие должны быть возвращены советскому народу».

ДАНИИЛ ХАРМС.

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь.
И в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил.
Не пил, не спал.
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.
Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей.
Скорей скажите нам.

«Сложно определить, - пишет автор статьи о Хармсе, - сознательно или несознательно создавал Хармс текст с такими явными аллюзиями. Марина Малич, жена Хармса, считала, что это стихотворение было созвучно тогдашним настроениям Хармса и отражало его желание уйти из города, спрятаться, отсидеться». Так, в годы сталинского террора, когда люди тысячами безвестно исчезали в подвалах Лубянки и в лагерях Гулага, в печати появилось стихотворение о том, как в СССР человек вышел из дома и навсегда пропал.

Первый раз Хармса арестовали 10.12.1931, инкриминировав ему участие в «антисоветской группе писателей». Хармс был приговорён тогда коллегией ОГПУ к 3 годам исправительных лагерей, но в мае 1932 года приговор был заменён высылкой. В августе 1941 г. Хармс был вновь арестован за распространение в своём окружении «клеветнических и пораженческих настроений». 2.2.1942 поэт умер от голода в психиатрическом отделении больницы при тюрьме «Кресты».

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него — то малина

И широкая грудь осетина.

Стихотворение было написано Мандельштамом под впечатлением крымского голода. Авторства своего он не скрывал. В 1934 г. был арестован и сослан сначала в Чердынь, а затем получил разрешение на перезд в Воронеж. К этому периоду относится его ода Сталину, которой Мандельштам, видимо, пытался спасти себя. В мае 1938-го он был вновь арестован. 2 августа Особое совещание при НКВД СССР приговорило Мандельштама к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а в сентябре он был отправлен этапом на Дальний Восток. В декабре 1938 г. Мандельштам скончался от сыпного тифа в пересыльном лагере Владперпункт (Владивосток), был захоронен в братской могиле.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Настроен за большевиков. Крестьянские стихи Клюева стали поводом для НКВД обвинить его в кулацких настроениях. Сам Клюев в письме к поэту Сергею Клычкову называл главной причиной своей ссылки, к которой он был первоначально приговорён, свою поэму «Погорельщина». Власти усмотрели в ней критику коллективизации и отрицательное отношение к политике советской власти. Аналогичные обвинения (в «антисоветской агитации» и «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений») были предъявлены Клюеву и в связи с другими его произведениями — «Песня Гамаюна» и «Если демоны чумы, проказы и холеры...», входящими в неоконченный цикл «Разруха». Во втором стихотворении цикла, например, упоминается Беломоро-Балтийский канал, построенный с участием большого числа заключённых и раскулаченных:

То Беломорский смерть-канал,

Его Акимушка копал,

С Ветлуги Пров да тётка Фёкла.

Великороссия промокла

Под красным ливнем до костей

И слёзы скрыла от людей,

От глаз чужих в глухие топи...

Стихотворения из цикла «Разруха» хранятся в уголовном деле Клюева как приложение к протоколу допроса.

2.2.1934 Клюев был арестован в своей московской квартире по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». Первоначально он был выслан в Нарымский округ, а затем по ходатайству Максима Горького переведён в Томск. 5.6.1937 Клюева снова арестовали и 13 октября того же года приговорили к расстрелу по делу о никогда не существовавшей «кадетско-монархической повстанческой организации „Союз спасения России“».

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ.

Пой мне песню, дерево печали!

Я, как ты, ворвался в высоту,

Но меня лишь молнии встречали

И огнём сжигали на лету.

19.3.1938 арестован, затем осуждён по делу об антисоветской пропаганде. В качестве обвинения в его деле значилось, что он являлся участником троцкистско-правой организации и автором антисоветских произведений, использованных организацией в своей агитации. От смертной казни его спасло то, что на допросах он не признал обвинения в создании контрреволюционной организации, куда якобы должны были войти Николай Тихонов, Борис Корнилов и другие поэты и писатели. «Первые дни меня не били, стараясь разложить морально и физически - вспоминал Заболоцкий в мемуарах «История моего заключения». - Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекают, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали...»

«В тайге – гнус, комары, мухи, - описывал он условия своего пребывания в лагере. - На пути от зоны до карьера – издевательство стрелков. Ходили строем в сопровождении охраны с собаками. По дороге встречалась огромная невысыхающая лужа. Когда вся колонна оказывалась в луже, звучала команда: «Стоять! Ложись!» Ложились в грязную холодную воду. «Встать! Лечь! Встать!» - и так до тех пор, пока конвоиры не насладятся своей властью. Иногда из колонны раздавался выкрик: «У гестапо научились!» - «Кто сказал?» - и звучал угрожающий звук передёрнутого затвора винтовки».

Сын поэта Никита Заболоцкий приводит в воспоминаниях об отце такой лагерный эпизод: «...И вот появился начальник лагеря – решительный, жестокий, но «культурный». Он уже знал, что у него отбывает срок заключения поэт Заболоцкий... Он подошёл к строю (заключённых) и, будучи в благодушном настроении, спросил у непосредственного начальника:

- Ну что, как там у тебя Заболоцкий? Стихи не пишет?

- Заключённый Заболоцкий замечаний по работе и в быту не имеет, - отрапортовал начальник подразделения. И,

усмехнувшись, добавил:

- Говорит, стихов больше никогда писать не будет.

- Ну то-то».

С марта 1944 г. после освобождения из лагеря Заболоцкий жил в Караганде. Там закончил переложение «Слова о полку Игореве», ставшее лучшим в ряду попыток других поэтов перевести этот древний эпос со старославянского на современный русский язык. Усиленное ходатайство Фадеева и других литераторов помогло ему в 1946 г. добиться разрешения жить в Москве. В 1946-м Заболоцкого восстановили в Союзе писателей.

24.4.1963 он был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ. Писатель, драматург, поэт. В 1934-1937 работал в театре Мейерхольда. Одна из наиболее известных пьес Гладкова, героическая комедия в стихах «Давным-давно», была написана в 1940 году. Её премьера состоялась 7.11.1941 в блокадном Ленинграде. Постановка пьесы в 1943-м в Центральном театре Красной Армии была отмечена Государственной премией. В конце 1948 г. «за хранение антисоветской литературы» Гладков был арестован и отправлен в Каргопольлаг. Вышел на свободу в 1954-м.

Из "Северной тетради":

Мне снился сон. Уже прошли века

И в центре площади знакомой, круглой —

Могила неизвестного Зека:

Меня, тебя, товарища и друга...

Мы умерли тому назад... давно.

И сгнил наш прах в земле лесной, болотной,

Но нам судьбой мозолистой и потной

Бессмертье безымянное дано.

На памятник объявлен конкурс был.

Из кожи лезли все лауреаты,

И кто-то, зная, медаль с лицом усатым

За бронзовую славу получил.

Нет, к черту сны!.. Бессонницу зову,

Чтоб перебрать счет бед в молчаньи ночи.

Забвенья нет ему. Он и велик и точен.

Не надо бронзы нам — посейте там траву.

ЛЕВ ГУМИЛЁВ. Сын Анны Ахматовой и Николая Гумилёва, автор многочисленных книг по истории, был 4 раза арестован. В первый раз - в декабре 1933 г., но через 9 дней отпустили без предъявления обвинения. В 1935-м подвергся второму аресту, однако благодаря заступничеству многих деятелей литературы был отпущен на свободу и восстановлен в университете. В 1938-м он подвергся 3-му аресту. Под пытками подписал протокол с признанием «в руководстве антисоветской молодёжной организацией, в контрреволюционной агитации» (чтение стихотворения Мандельштама о «кремлёвском горце») и «в подготовке покушения на тов. Жданова».

Заключение отбывал на лесоповале в Норильске. Здесь, как вспоминал он: «...я окончательно „дошёл“. Худой, заросший щетиной, давно не мывшийся, я едва таскал ноги из барака в лес. Валить лес в ледяном, по пояс занесённом снегом лесу, в рваной обуви, без тёплой одежды, подкрепляя силы баландой и скудной пайкой хлеба, — даже привычные к тяжёлому физическому труду деревенские мужики таяли на этой работе как свечи... В один из морозных январских дней, когда я подрубал уже подпиленную ель, у меня выпал из ослабевших рук топор. Как на грех, накануне я его наточил. Топор легко раскроил кирзовый сапог и разрубил ногу почти до самой кости. Рана загноилась».

Отбыв заключение, Лев Гумилёв в 1944-м ушёл на фронт, участвовал в боях за Берлин. После демобилизации окончил экстерном исторический факультет, в 1948-м защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук. В 1949-м вновь арестован. Обвинения были заимствованы из следственного дела 1935 г. Был осуждён на 10 лет лагерей. Срок отбывал в Казахстане, на Алтае и в Сибири. Ещё во время следствия у Гумилёва была изъята 481-страничная рукопись «История Срединной Азии в Средние века», причём следователь по особо важным делам МГБ СССР И. Н. Меркулов, не желая отправлять её в архив, отдал приказ сжечь бесполезные бумаги. Судя по названию, это было продолжение диссертации Гумилёва о древних тюрках.

Анна Ахматова писала письма Сталину и Ворошилову, умоляла о помиловании сына. Читайте об этом её стихотворение «Бросалась в ноги палачу...» Освобождение пришло лишь после смерти Сталина.

11 мая 1956 года Л. Н. Гумилёв был признан невиновным по всем статьям и отпущен на свободу, проведя в тюрьмах и лагерях в общей сложности около 14 лет.

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ. 19.2.1929 Шаламов был арестован во время облавы в подпольной типографии, где

печаталось так называемое «Завещание Ленина» и приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей. Срок он отбывал в Вишерском лагере (Вишлаг) на Северном Урале. В том же году досрочно освобождён и восстановлен в правах. В январе 1937 г. Шаламова вновь арестовали за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Осуждённый на 5 лет лагерей, он с большой партией заключенных прибывает в Магадан. В Северо-восточном лагере (Севвостлаге) на Колыме он работал на приисках, но из-за тяжёлых условий работы не раз оказывался на больничной койке. «С первой тюремной минуты мне было ясно, - писал он, - что никаких ошибок в арестах нет, что идёт планомерное истребление целой «социальной» группы — всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить».

22 июня 1943 года его опять безосновательно осудили на 10 лет за антисоветскую агитацию: «...я был осуждён в войну за заявление, что Бунин - русский классик» и, согласно обвинениям лжесвидетелей на нескольких других процессах, в «восхвалении гитлеровского вооружения». Осенью 1943 г. в состоянии истощения попал в лагерную больницу. После выписки работал в шахте на прииске «Спокойный». Летом 1945 г. его, тяжело больного, снова поместили в больницу, а осенью 1945 г. во время работы на лесоповале он решился на побег, после которого его направили на штрафной прииск «Джелгала». В октябре 1951 г. заканчивается срок его заключения, после чего Шаламов работает фельдшером в Якутии. Написанные в лагере стихи через знакомого врача он отправляет Пастернаку. Тот отвечает, между ними начинается переписка. 12.11.1953 Шаламов приезжает в Москву, устанавливает через Пастернака контакты с литературными кругами и готовит сборник «Колымские рассказы».

БОРИС КОРНИЛОВ. В начале 30-х годов становится известным на всю страну. С его песни «О встречном» на музыку Шостаковича начинался тогда каждый день в СССР. Сергей Киров личным распоряжением утвердил песню Корнилова «О встречном» в качестве гимна города. Поэту покровительствует Бухарин. На суде Корнилову вменили в вину, что он с 1930 г. являлся активным участником антисоветской организации, «ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства». Корнилов был приговорён к расстрелу. Отца Корнилова тоже арестовали. В 1939-ом он умер в горьковской тюрьме.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ. Автор стихов: «Если я заболею, к врачам обращаться не стану», «Вот опять ты мне вспомнилась мама», «Хорошая девочка Лида» - прошёл через полосу репрессий в 1934 – 1937 годах, отбыв в заключении 3 года. Ему «повезло». В эти же годы сталинского террора были расстреляны друзья Смелякова, поэты Павел Васильев и Борис Корнилов. В начале ВОВ, освободившись из заключения, ушёл на фронт. Воевал на Северном и Карельском фронтах. Попал в окружение, находился в плену. В 1944-м возвратился из плена. В 1945-м арестован вновь и отправлен в проверочно-фильтрационный спецлагерь. Специальные (фильтрационные) лагеря были созданы решением ГКО в последние дни 1941 г. с целью проверки военнослужащих РККА, бывших в плену, окружении или проживавших на оккупированной противником территории. После лагеря въезд в Москву был запрещён. Благодаря усилиям К. Симонова, ему всё же удалось снова вернуться к писательской работе. В 1951 г. по доносу снова арестован и отправлен в заполярную Инту, ему вменялись «антисоветские разговоры» и «антиобщественное поведение». Освободился в 1955-м.

В казённой шапке, лагерном бушлате,
полученном в интинской стороне,
без пуговиц, но с чёрною печатью,
поставленной чекистом на спине...

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ, писатель. В 1933-м арестован и выслан из Москвы в Алма-Ату. В 1936 г. снова арестовали, провёл 7 месяцев в СИЗО. После освобождения успевает написать и опубликовать первую часть романа «Державин». В 3-й раз арестовывают в 1939-м. В этот раз он отбывает свой срок в колымских лагерях. В 1943 году Домбровский был досрочно, по инвалидности, освобождён. Зимой 1943 г. в больнице он начал писать роман «Обезьяна приходит за своим черепом». 4-й арест пришёлся на 1949 год. Обвинение: «охаивание мероприятий партии и правительства; распространение антисоветских измышлений». Публикация в «Новом мире» романа «Хранитель древностей» стала событием в литературе. Вершина творчества - роман «Факультет ненужных вещей», в 1978-м был опубликован на русском языке во Франции (в СССР издан в 1988 г.), что привело к постоянной слежке за писателем агентов КГБ. За год до смерти (в 1977 г.) им был написан последний рассказ «Ручка, ножка, огуречик», который опубликовал журнал «Новый мир». В марте 1978 года 68-летний Домбровский был жестоко избит группой неизвестных в фойе ресторана Центрального дома литераторов в Москве. Через два месяца после инцидента, 29 мая 1978 года, писатель скончался в больнице.

ОЛЕГ ВОЛКОВ. Писатель, журналист, переводчик. Как пишется в аннотации к его книге воспоминаний «Погружение во тьму», с 1928 по 1955 автор провёл около трёх десятилетий в тюрьмах, лагерях и ссылках.

НИКОЛАЙ ПУНИН. Историк искусства, художественный критик. Репрессирован в 1949 – 1953 гг.

Погиб в заключении, в лагере. Посмертно реабилитирован в 1957 г.

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ. Сотрудничал как драматург с Мейерхольдом и Эйзенштейном. Редактировал журнал «Новый Леф». Арестован в 1937 г. «Литературная газета» сообщила о его гибели в духе того времени: «Расстрелян японский шпион Сергей Третьяков».

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВСКИЙ. Автор романа «Аргонавты Вселенной». Арестован в 1928 г. Пропал без вести в

застенках НКВД.

ВЛАДИМИР НАРБУТ. Поэт, журналист. Входил в 1911 г. в гумилёвский «Цех поэтов». В 20-х годах возглавлял издательство «Земля и Фабрика», редактировал журнал «Вокруг света». Арестован в 1936 г.

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ. Поэт, журналист. Участвовал в первом съезде советских писателей, сблизился с литературным движением обериутов, куда входили Николай Заболоцкий, Хармс и др. Арестован в 1937 г. Погиб в лагере (точная дата гибели не известна).

НИКОЛАЙ ЗАРУДИН. Автор поэтических сборников, рассказов и нашумевшего в то время романа «Тридцать ночей на винограднике». Арестован 21.6.1937. 13.8.1937 по обвинению в участии в антисоветской террористической организации приговорён Военной коллегией Верховного суда к расстрелу. В тот же день расстрелян.

БРУНО ЯСЕНСКИЙ. Поэт, прозаик. Автор романа «Человек меняет кожу». В 1937 г. арестован. Летом 1937 г. исключён из Союза писателей «за контрреволюционную деятельность». Расстрелян на полигоне Коммунарка.

АРИАДНА ЭФРОН. Переводчица прозы и поэзии, художница, искусствовед, поэт. Дочь Сергея Эфрона и Марины Цветаевой первой из семьи вернулась в СССР. После возвращения в СССР работала в редакции советского журнала «Revue de Moscou» (на французском языке); писала статьи, очерки, репортажи, делала иллюстрации, переводила. 27.8.1939 г. арестована и осуждена по статье 58-6 (шпионаж) на 8 лет исправительно-трудовых лагерей, под пытками вынуждена была дать показания против отца.

АЛЕКСАНДР ЛОСЕВ. Философ, филолог, писатель. Автор трудов: «Философия имени», «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы», «Очерки античного символизма и мифологии». Арестован в апреле 1930 г. Осуждён по так называемому делу Истинно православной церкви и отправлен в лагерь ОГПУ на строительство Беломор канала. В конце 1932 вместе с женой освобождён.

В 70-е вышла книжка Мейерхольда - изумительная штука. Кто хочет понимать театр - читайте Мейерхольда. Резко отличается от его постановок "в духе времени".

Нарбут был большевик, воевал, как и Бабель, как и убиенный большевик Артем Веселый. Нарбут убит в лагере, 1983-м была переиздана книга Веселого "Россия, кровью умытая". Убили и Михаила Светлова, вернувшуюся Цветаеву довели до самоубийства, арестовали сына Анны Ахматовой.

Андрей Платонов репрессирован не был, но ходу ему не давали, не печатали, работал уборщиком.

Лосев до ареста - типичный идеалист, после освобождения много и плодотворно работал - уже без идеалистических завихов, написал в т.ч. "Историю античной эстетики", книгу о Вл. Соловьеве, "Историю античной философии".

Печально, но многие из репрессированных писателей и поэтов посвящали свои стихи именно тому, кто репрессировал – Сталину. Хвалебные стихи посвящали выродку Ахматова, Мандельштам – сегодняшние сталинисты по всему интернету распространили эти стихи, Булгаков посвятил Сталину «Батум». Вот как о Сталине писал Мандельштам в «Оде Сталину»: «Он все мне чудится в шинели, в картузе, / На чудной площади с счастливыми глазами. / Глазами Сталина раздвинута гора / И вдаль прищурилась равнина».

«Легенда говорит о мудром человеке, / Что каждого из нас от страшной смерти спас... / ... И дважды Сталиным спасенный Ленинград... где Сталин, там свобода, Мир и величие земли!» Так писала Ахматова в 1949-м.

Нетрудно видеть, что эти примитивные стихи, мягко говоря, радикально отличаются от всего, написанного Ахматовой. Понятно, поэтесса вымаливала за своего репрессированного сына.

Вот как и что она писала в 1938-м:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

В 1962-м Ахматова не забыла.

Защитникам Сталина
Это те, что кричали: "Варраву
Отпусти нам для праздника", те
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.
Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

Причем Сталин прекрасно знал, что репрессирует невинных.

Выдержка из мемуаров Голованова, опубликованных в 2004 г. Воениздатом.

Голованов накануне разговора со Сталиным встретился с Туполевым, которого привели к нему под конвоем, поскольку Туполев считался в то время тюремным заключённым. Разговор их касался возможностей настолько усовершенствовать созданный в своё время Туполевым бомбардировщик, чтобы в нём помещалось два пилота, что было крайне важно для дальних бомбардировок позиций противника. Попав к Сталину на приём, Голованов объяснил ему все боевые преимущества в модернизации туполевского бомбардировщика.

«Сталин с этим согласился, - пишет Голованов. - Все вопросы были решены, но я не ушёл.

- Вы что-то хотите у меня спросить?

- Товарищ Сталин, за что сидит Туполев?

Вопрос был неожиданным. Воцарилось довольно длительное молчание. Сталин, видимо, размышлял.

- Говорят, что не то английский, не то американский шпион...

Тон ответа был необычен, не было в нём ни твёрдости, ни уверенности.

- Неужели вы этому верите, товарищ Сталин?! – вырвалось у меня.

- А ты веришь?! – переходя на «ты» и приблизившись ко мне вплотную, спросил он.

- Нет, не верю, - решительно ответил я.

- И я не верю! – вдруг ответил Сталин.

Такого ответа я не ожидал и стоял в глубочайшем изумлении».

В газете «Аргументы и факты» было опубликовано обширное интервью с космонавтом Алексеем Леоновым. Вот часть вопросов к Леонову о Королёве:

- Как на Королёве сказались репрессии и годы, проведённые в лагерях?

- Он никогда не рассказывал нам об этом. Только однажды, за два дня до своей смерти, вдруг открылся - мне и Гагарину. Мы с Юрой были приглашены к нему домой на последний, как оказалось, день рождения - 12 января 1966 г. Кроме нас там присутствовал весь совет главных конструкторов космических кораблей, все единомышленники Сергея Павловича. К полуночи гости разошлись. Королёв попросил нас остаться, ему хотелось выговориться. Мы сели в гостиной, он открыл армянский коньяк «Три звёздочки» и неожиданно начал рассказывать всё, как было.

Королёв сказал: «Мне известно, кто меня заложил, но тот человек не знает об этом...» Сергей Павлович помолчал и продолжил: «Когда меня забрали, я отрицал всякую вину - что я, дескать, троцкист, портил станки, вредительствовал. Запомнился один случай. Когда я попросил воды и потянулся к стакану, один из следователей схватил графин со стола и со всей силы шарахнул меня по голове. А рядом на стуле сидел и смотрел на это какой-то комсомолец со значком «КИМ» («Коммунистический интернационал молодёжи») на лацкане...»

«Когда я очухался после удара, - вспоминал Королёв дальше, - следователь произнёс: «У тебя красивая молодая жена. Так вот, мы одну буквочку опустим, и она будет не Королёва, а Королёв, и мы бросим её к энкам на неделю, пока разберёмся с тобой. Дочка у тебя, ей 3 годика - тоже найдём, куда её деть. И ты знать не будешь, где они». И я подписал протокол... А на суде было так. За мной в камеру пришли конвоиры: «Королёв, на выход!» Я иду по длинному коридору и вижу - впереди открываются двойные двери, а за ними сидят три остолопа с окаменевшими лицами. И говорят: «Давай свой обвинительный лист!» Я не понял и переспросил: «Какой лист?» Они разозлились: «Что, обалдел, что ли?» Кто-то сунул мне в ладонь этот лист, свёрнутый в трубочку, я его подал. Судьи спросили: «Признаёшь вину?» - «Ни в чём я не виноват». - «Все вы, сволочи, не виноваты... Десять лет каторги. Уходи!» Меня вывели из зала и вскоре отправили на Колыму».

(«АиФ». «Король космоса». №3. Стр. 8,9 2017 г.)

25.9.1938 Королёв был включён в список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда. В списке он шёл по первой (расстрельной) категории. Список был завизирован Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем. Председательствовал на суде Военной коллегии Василий Ульрих. «Нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны, – сказал ему во время допросов следователь. – Занимались бы делом и строили бы самолеты. Ракеты-то, наверное, для покушения на вождя?»

Знал ли Сталин, что Королёв невинен? Безусловно! И никто ему не мешал отменить нелепый приговор.

Хуже то, как народ отнесся к тем, с кем жил бок о бок.

Лётчик-космонавт Алексей Леонов вспоминал о своём детстве, отвечая на вопросы в интервью:

« - В вашей семье и впрямь восемь детей было?»

- Я восьмой - потом были девятый, десятый...

-10 детей! - и отца такого огромного семейства в 37-м не пощадили: арестовали...

- Ну, у нас, наверное, трудно порядочную семью найти, которую репрессии миновали.

- Неужели вас с матерью, беременной девятым ребёнком, из собственного дома выгнали?

- Да, и хотя это трудно представить, страшно было другое. Родители мои с соседями хорошо жили: мать учительствовала, отец очень опытный крестьянин всем вокруг помогал... Когда его без суда и следствия в тюрьму забрали, всем объявили: "Это враги народа - берите у них, что хотите!", и никто не задумался: ну какие же мы враги? Я этого не помню, но мама рассказывала, что соседи с меня даже штанишки сняли - в одной рубашке оставили: вот так жутко народ настроили». («Бульвар Гордона», март 2016, №11 (477), см. также биографию Леонова.)

Хуже всего, что сегодня многие, очень многие оправдывает убийства невинных. Им не жаль людей! Следовательно, эти многие – хуже зверей, это недочеловеки, фашисты.

Из бесед Чуева и Молотова:

- Я считаю, - что мы должны были пройти через период террора, - настаивает он, - потому что мы уже больше десяти лет вели борьбу. Это нам дорого стоило, но иначе было бы хуже. Пострадало немало людей, которых не нужно было трогать. Но я считаю, что Берия сам бы не смог это сделать. Он выполнял указания, очень жёсткие указания Сталина.

Чуев:

- Неужели Сталин не мог додуматься, что так много людей не могло быть врагами народа?

Молотов:

- Конечно, очень печально и жалко таких людей, но я считаю, что тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим... Я не отрицаю, что я поддерживал эту линию, не мог я разобраться в каждом отдельном человеке.

- Пострадало немало людей, которых не нужно было трогать.

- Ну конечно, может быть не все были врагами, но потенциально...

- Конечно, требования исходили от Сталина, конечно переборщили, но я считаю, что всё это допустимо ради основного: только бы удержать власть.

(Ф.Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М. «Терра». 1991).

Молотов – фашист.

Беседа Сталина с Черчиллем, по воспоминаниям сталинского переводчика Валентина Бережкова:

«- Скажите, - поинтересовался Черчилль, - напряжение нынешней войны столь же тяжело для вас лично, как и бремя политики коллективизации?»

- О нет, - ответил "отец народов", - политика коллективизации была ужасной борьбой.

- Я так и думал, - сказал Черчилль. Ведь вам пришлось иметь дело не с горсткой аристократов и помещиков, а с миллионами мелких хозяев.

- Десять миллионов, - воскликнул Сталин, возведя руки. - Это было страшно. И длилось четыре года. Но это было абсолютно необходимо для России, чтобы избежать голода и обеспечить деревню тракторами.

- Что же, они все были кулаками? - спросил Черчилль.

- Да, - ответил Сталин и, немного помолчав, повторил: - Это было ужасно тяжело, но необходимо.

- И что же с ними произошло?

- Да что, - как бы отмахнулся вождь. - Многие из них согласились пойти с нами. Некоторым дали обрабатывать землю в районе Томска или Иркутска и дальше на Севере. Но там они не прижились. Их невзлюбили местные жители. В конце концов их же батраки расправились с ними».

(Валентин Бережков. "Рядом со Сталиным". Москва. Вагриус. 1998 г.)

Вот так. Убивать было необходимо. Где Сталин набрал 10 млн кулаков – неведомо. Только именно политика ускоренно-насильственной коллективизации с раскулачиванием середняка и стали основными причинами голода. Сталин врет, как сивый мерин. И как только в 1993-м из-за крестьянских восстаний такую политику пришлось свернуть, крестьяне хлынули вон из колхозов.

Современный сталинизм плох и тем, что рабочий класс, вместо того, чтобы убивать буржуа, надеется на твердую руку грядущего Сталина, за которого он безопасно положит бюллетень в урну, а сам жопу от табуретки перед телевизором оторвать не хочет.